

Ангел для монстра

Ани Вобу 2022г.

18+

Ани Вебр
Ангел для монстра

https://litres.ru/74699917
SelfPub; 2026

Аннотация

- Я не буду с вами спать. – сказала отступая назад, так как мужчина стал приближаться.

- Почему? – искренне удивился.

- Я вас вижу в первый раз! – пыталась подбирать слова, чтоб не обидеть.

- Именно поэтому я дал тебе время привыкнуть ко мне.

- Сколько? Минут двадцать? Я не буду с вами спать. – с нотками стали в голосе сказала Лика.

- Не зли меня, девочка. – стал заводиться шейх.

Он приближался к девушке, а она в свою очередь отступала. Они кружили вокруг ложа из подушек, переговариваясь.

- А то что?! – вскинула она подбородок.

- Могу наказать. – пригрозил он.

- Да хоть убейте! По доброй воли, я не дамся.

- Хватит!!! – рявкнул Мустафа и Лика вздрогнула. – А ну быстро подошла сюда. – от злости, акцент слышался сильнее.

Ангел для монстра

Жизнь подбрасывает испытания, загоняет в угол. Тебе кажется, ты попала в клетку, из которой нет выхода. Но, может это должно было произойти? Чтоб ты увидела и поняла, выход есть всегда. Кажется, выхода нет только из той клетки, в которую ты загоняешь себя сам.

ПРОЛОГ

Анжелика бежала по холмистой местности, заливаясь слезами. Земля под босыми ногами была неровной, жёсткой — каждый шаг отдавался болью в стопах, но тело неслось вперёд почти без участия воли, будто кто-то невидимый гнал её, не давая остановиться. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь со слезами, и уже невозможно было понять, где капли с неба, а где — её собственные. Душа рвалась на части от боли. Почему судьба так несправедлива к людям? Этот вопрос постоянно крутился в голове, как заведённый, не давая покоя ни на секунду. Хорошие люди постоянно умирают, тогда как плохие живут и процветают. Сколько ещё человек должно погибнуть? Боль рвала душу настолько сильно, что хотелось перестать бороться. Хотелось всё бросить и сдаться, а лучше — умереть. Умереть и встретиться там, с отцом и Амиром.

Она продолжала бежать во имя второго. Если Лика сдаст-

ся, то смерть Амира будет напрасной. Лишь благодаря ему и его жертве она сейчас одной ногой на свободе. Эта мысль была единственным якорем, удерживавшим её от того, чтобы опуститься прямо на мокрую землю и сдаться. Заметив неподалёку справа заросли кустарника, Анжелика рванула к ним. Углубившись в заросли, стала стирать слёзы, пытаясь взять себя в руки. Но слёзы не слушались — они катились по щекам, горячие, солёные, будто у них была своя воля, своя упрямая жизнь. Пробираясь сквозь разросшиеся кусты, она чувствовала, как ветки безжалостно царапают нежную кожу — тонкие, жгучие полосы проступали на руках и ногах, будто природа тоже хотела задержать её, удержать на месте. Девушка не обращала на это внимания. Она стремилась оказаться как можно дальше от ненавистного ей места, от тех стен, которые столько лет были для неё и тюрьмой, и домом, от тех людей, которые называли её своей, но никогда не были ею. В надежде спастись Лика углублялась всё дальше в заросший кустарник. И вот, когда просветов совсем не осталось, а адреналин от побега немного схлынул, ей стало казаться, что она заблудилась в этой непроглядной тьме из старого заросшего кустарника. Зеленовато-серая мгла обступала со всех сторон, и в ней не было ни направления, ни ориентира, только переплетение сухих и живых веток, словно кто-то сплёл из них гигантскую клетку, из которой уже не выбраться.

Ноги болели, дыхание сбилось, сил катастрофически не

хватало. Лика перешла с бега на шаг, пытаясь восстановить дыхание. Воздух шёл в лёгкие с трудом, рваными, короткими глотками, и каждый вдох отдавался покалыванием в боку. Постоянно оглядывалась по сторонам, но видела только ветки — многие из них высохли от нехватки воды, серые и ломкие, они трещали под малейшим прикосновением, осыпая её трухой и мелкими щепками. Именно сегодня небеса решили исправить этот момент. Уже около часа лил дождь — ровный, холодный, безжалостный, будто и ему не было дела до девичьих страданий. Девушка промокла до нитки. Вся грязная, поцарапанная, волосы спутаны в мокрый клубок, прилипший к лицу и шее, босыми ногами ступая по сырой земле, стараясь не обращать внимания на острые камни, что впивались в подошвы с каждым новым шагом. Лика готова была выдержать все испытания от природы. Ведь в душе теплилась надежда, что побег удачный и она больше никогда не вернётся в ту золотую клетку, из которой сбежала. Считала: лучше умереть в зарослях, где сейчас блуждает, от голода и холода или потери крови от царапин, которых становилось всё больше на нежной коже, чем вернуться обратно.

По внутренним ощущениям, она бродила уже больше двух часов. Вперёд не было просветов. Но сдаваться девушка не собиралась. Продолжала пробираться вперёд, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего, будто земля под ногами становилась всё плотнее, сопротивляясь её движению. Казалось, кусты становятся всё гуще, затрудняя путь вперёд,

будто сжимая кольцо, лишая пространства для манёвра. В попытке пролезть между двух плотно растущих кустов Лика стала проталкиваться спиной. Считая, что так безопаснее для лица, чтоб ветки не попали в глаза, чтоб хотя бы лицо осталось целым. Ветки цеплялись за мокрую ткань, рвали одежду, хлестали по спине, но она упрямо двигалась назад, дюйм за дюймом, стиснув зубы. Делая небольшие шажки, почувствовала, как лёгкий ветерок скользит по спине — свежий, холодный, совсем не похожий на застоявшийся, влажный воздух кустарника. Сделала большой шаг в надежде поскорее выбраться из кустов. В ту же секунду земля под ногами исчезла. Анжелика попыталась ухватиться за ветви, но поймала лишь воздух, судорожно сжав пустоту. Секунда невесомости — и всё тело провалилось в пустоту. Она столкнулась с землёй, и удар выбил из лёгких остатки воздуха. Кустарник заканчивался на краю крутого склона, и теперь Лика кубарем летела по нему, мельком заметив, как густой кустарник отдаляется, будто отодвигается занавес, за которым не было ничего, кроме сырой, крутой пустоты. Мир завертелся в дикой карусели: небо, земля, серые камни, мокрая трава — всё слилось в одно размытое пятно. У подножья склона неудачно приземлилась головой о камень — тупой, тяжёлый удар, и перед глазами вспыхнула ослепительная белая вспышка. А потом всё погасло. Анжелика провалилась во тьму, потеряв сознание.

ГЛАВА 1

За неделю до.

Лика проснулась ночью от приглушённых голосов — они вползали в комнату, как холодные сквозняки, и будили не столько звуком, сколько тревогой. Скинула одеяло, спустила ноги с кровати и на цыпочках подкралась к двери своей комнаты. Пол под ступнями был ледяным, будто дом сам чувствовал надвигающуюся беду и стыл от неё. Приоткрыла дверь — щель получилась узкой, как лезвие ножа, — чтоб попытаться расслышать, что происходит в доме.

В гостиной горел приглушённый свет светильника — тусклый, желтоватый, он ложился на стены неровными пятнами, похожими на старые, выцветшие синяки. Она увидела спину отца и наступающего на него мужчину. Мужчина был на голову выше Михаила — отца девушки, — и его тень, вытянувшись по полу, накрывала отцовские ноги, словно заранее заявляя о своей власти.

— Я устал ждать, — грозно шипел громила в чёрной одежде, сощурив злые тёмные глаза, в которых не было ни капли сочувствия, только холодная, отполированная годами жестокость. — Я давал тебе время, чтоб найти деньги. Таких отсрочек от меня не получал никто. Ты сейчас же возвращаешь долг, или я заберу его сам.

— Я всё верну, — заикаясь, мямлил отец. Его плечи были опущены, а голос дрожал, как огонёк свечи на ветру. — Это

очень большая сумма. Сейчас у меня нет таких денег.

— Мне плевать! — гаркнул мужик, и звук его голоса ударил по тишине, как тяжёлый кулак. — Когда ты просил их, ты не считал, что это большая сумма. Я собрал её за пару часов.

«Боже, во что впутался отец?» — подумала Лика, прикрывая рот ладошкой, будто это могло удержать внутри рвущийся наружу крик. Сердце учащённо забилось от страха, отдаваясь гулкими ударами в висках. Старалась дышать ровнее и тише, чтоб не выдать своего присутствия, но каждый вдох давался с трудом, словно воздух стал густым и вязким.

Когда Анжелике было десять, мать бросила семью. Это воспоминание вспыхнуло перед глазами, как старая, плохо проявленная фотография: Наталья собирала вещи и орала на всю квартиру, швыряя слова, как камни. Какой Михаил никчёмный мужик. Как она устала жить в нищете, считая каждую копейку. Наталья хотела жить богато: обедать в ресторанах, носить брендовые вещи, а не жить от зарплаты до зарплаты. Михаил был обычным инженером в небольшой компании. Его зарплаты вполне хватало на обычную жизнь: своя двухкомнатная квартира в новостройке в центре города, одежда и продукты всегда в достатке — пусть не из бутиков, но из приличных магазинов. Дочь училась в приличной частной школе, а вот сама Наталья ни дня не работала. Но ей всегда было мало. Она хотела жить за границей, ходить в рестораны и спа-салоны, тратить деньги, не считая. И вот,

когда подвернулся такой шанс, Наташа, не раздумывая, бросила мужа и дочь и укатила «в закат».

Шесть лет они прожили вдвоём. Лике пришлось быстро повзрослеть и взять на себя обязанности по дому: готовить, убирать, следить за порядком, будто она не ребёнок, а маленькая, усталая хозяйка. А после того как Анжелика окончила школу, Михаил решил в корне изменить их жизнь. Продал квартиру, уволился с работой, и они переехали жить за границу. Выбор пал на Дубай: красивые пейзажи, тёплый климат и больше шансов найти работу, так как большой наплыв туристов повышал потребность в увеличении обслуживающего персонала.

Они купили небольшой домик с цветущим садом — он казался островком уюта среди шумного города. По утрам воздух был напоён сладким ароматом жасмина, а тени от деревьев ложились на дорожки, как мягкие, прохладные ковры. Михаил устроился в отель разнорабочим. Анжелика поступила в институт. Хотела стать переводчиком и вести экскурсии для туристов. Отец заменил ей мать. Желание быть к нему ближе и привело её в институт иностранных языков и туризма — там она чувствовала, что делает что-то важное, что связывает её с отцом, помогает ему, даже если это просто её учёба.

Спустя два года Михаил пытался открыть свой небольшой бизнес — лавку с сувенирами. Сначала всё шло неплохо: туристы охотно покупали магниты, открытки, украшения, и в

кассе звенели монеты. Но через полгода лавка стала нести убытки, а ещё через полгода полностью прогорела. Запах лака и дерева, который когда-то казался Лике запахом успеха, теперь смешивался с запахом пыли и разочарования.

Лика даже не догадывалась, что отец занял денег у серьёзных людей. А о какой сумме шла речь, тем более.

Мужчина жёстко отодвинул отца в сторону и направился осматривать комнаты. По спине Лики пробежали холодные мурашки, острые, как осколки льда. Она отскочила от двери и стала озираться по сторонам, в поисках места, куда спрятаться. В комнате не было укромного уголка — только кровать, шкаф и окно, за которым чернела ночь. В этот момент дверь резко распахнулась. В дверном проёме стоял мужчина. Глаза девушки расширились от страха, зрачки стали огромными, поглотив радужку.

Вблизи он казался ещё страшнее. Рельеф мышц проступал через футболку, словно под тканью пряталась стальная решётка. Чёрные, как ночь, глаза смотрели со злобой, в которой не было ничего человеческого. Жёсткие черты лица и небольшая бородка только добавляли агрессии его образу. Мужчина был высокий — около двух метров ростом, — широкие плечи заслоняли собой дверной проём почти полностью, будто он был не человеком, а живой стеной, непреодолимой преградой.

— А что за прелестное создание тут прячется? — пробасил он громко, и его голос прозвучал в тишине комнаты, как

раскат грома над спокойной водой.

Не дожидаясь ответа, схватил девушку за запястье. Его пальцы сомкнулись вокруг её руки, как стальные наручники, и Лика перестала дышать. Сердце бешено колотилось в груди, готовое вырваться наружу.

— Не тронь её, — проговорил отец, его голос был похож на слабый писк, на шёпот, который ветер готов унести и растворить в воздухе. — Она ещё ребёнок. Я найду деньги, дай мне немного времени.

— У тебя его было предостаточно. Я устал ждать. Заберу её в качестве оплаты долга, — мужик закинул её себе на плечо, словно пушинку, и направился к выходу. Его шаг был тяжёлым, уверенным, будто он нёс не девушку, а просто ещё один груз, который нужно доставить в нужное место.

— Оставь мою дочь в покое! — кричал Михаил, догоняя громилу. — Я всё верну, на следующей неделе, обещаю, — в голосе было столько мольбы и горечи, что казалось, будто каждое слово обжигает ему горло.

— Считай, что уже расплатился, — мужик с презрением в голосе ответил и отпихнул Михаила от себя. Движение было небрежным, почти ленивым, но от него отец отлетел в сторону, как сломанная кукла. Он ударился головой о край тумбы и упал на пол без движения.

Их глаза встретились. Лика увидела во взгляде отца всю скорбь мира и безграничное раскаянье, и мольбу о прощении. В этом взгляде было столько невысказанных слов,

столько боли, что она обожгла её сильнее любого крика. После чего глаза застыли и стали стеклянными, будто в них навсегда отразилась эта секунда — секунда, когда всё рухнуло.

— Папочка! Пап! Папа! — она впервые подала голос, и крик вырвался из груди, разрывая тишину на острые, болезненные куски. Лика стала кричать и рваться к отцу, но крепкая большая ладонь удерживала её на плече, не давая ни малейшего шанса помочь. Девушка видела, как рушится её привычная жизнь, как рассыпается на осколки всё, что было ей дорого, и как пропадает последняя надежда на спасение. Она видела, что теряет самого дорогого человека во всём мире, и спасти его не было ни малейшего шанса. Слёзы текли по щекам, горячие и горькие, смывая остатки детства, оставляя после себя только холодную, звенящую пустоту.

ГЛАВА 2

Анжелику затолкали на заднее сиденье большого чёрного, тонированного джипа — машина была тяжёлой, угловатой, словно отлитой из чугуна, и в её тёмных стёклах отражалась только беспросветная ночь, поглотившая весь мир. Тот, что нёс её на плече, сел рядом, занимая пространство своей грубой, подавляющей силой. Впереди сидели ещё двое. Они выглядели практически так же, как и её похититель: одинаковые куртки, одинаковые жёсткие лица, одинаковые холодные взгляды, будто их отлили по одному шаблону. Присматри-

ваться к ним Лика не стала: все мысли были заняты отцом, его безжизненным телом, тем стеклянным, остановившимся взглядом, который навсегда врезался в память. Лику не волновала собственная судьба — сейчас хотелось только одного: лечь рядом с отцом, обнять его и закрыть глаза. А дальше? Либо умереть вместе с ним, либо пусть это окажется просто ночным кошмаром, жутким, липким, но всё же сном, от которого можно проснуться.

Подтянув ноги и обхватив их руками, девушка продолжала тихо плакать. Слезы катились по щекам, не обжигая, а скорее остужая пылающую кожу, и она медленно раскачивалась, будто пыталась убаюкать саму себя, вернуть хоть каплю того детского ощущения безопасности, которое когда-то дарили отцовские объятия. Уйдя с головой в переживания, она не заметила, как машина остановилась, как её подхватили чужие, равнодушные руки и перенесли в какое-то помещение — в сырой, пахнущий плесенью полумрак, где каждый звук казался глухим и чужим.

Когда первый шок стал понемногу проходить, Лика стала оглядываться. Она сидела на старом, продавленном матрасе в плохо освещённой комнате. Серые бетонные стены были холодными на вид — будто из них сочилась сама безысходность. Тусклая лампочка над дверью едва рассеивала тьму, рождая длинные, ломаные тени, которые шевелились при каждом движении воздуха. Окон не было. Совсем. Ни единой щели, сквозь которую мог бы просочиться луч дневного

света. Воздух был сырой и прохладный, с горьковатым привкусом пыли и ржавчины, и этот запах въедался в кожу, в волосы, в самую суть, словно клеймил её новым, страшным статусом. Лика пришла к выводу, что её закрыли в подвале — в бетонной коробке, отрезавшей её от всего, что было дорого. Слёз почти не осталось, только бесконечная, знобящая дрожь, которая не проходила, будто холод проник прямо в кости. Свернувшись на матрасе калачиком, она пыталась согреться, собрать рассыпавшиеся мысли, привести их в порядок, чтобы придумать, как выбраться. Но сильный стресс и бесконечная ночь взяли верх, и девушка задремала — не по своей воле, а потому что сознание просто не выдержало напряжения и выключилось, как перегоревшая лампочка.

Проснулась она от лязганья замка и приглушённых голосов, которые ворвались в сон, как металлические когти, разрывая хрупкую тишину. Лика быстро села, притянув ноги к груди, не зная, к чему готовиться и чего ожидать. В комнату зашли двое: вчерашний бугай и невысокая женщина лет пятидесяти, с небольшим чемоданчиком в руках. Чемоданчик был старым, потрёпанным, с потускневшими застёжками, но в нём чувствовалась какая-то зловещая основательность, будто он хранил не инструменты, а чужие судьбы. Мужчина остановился у двери, словно сторожевой пёс, а женщина подошла к Лике. Поставила чемоданчик на пол и присела рядом, открывая его с привычной, будничной ловкостью.

— Ляг, я тебя осмотрю, — тихо произнесла женщина, и в её голосе не было ни злобы, ни особой жестокости — только усталая, выхолощенная обыденность, будто она делала это уже сотни раз.

Анжелика подчинилась, понимая бессмысленность сопротивления. Женщина стала производить нехитрые манипуляции: прощупывала живот, заглядывала в рот и в глаза, осматривала кожные покровы. Каждое прикосновение было холодным, отстранённым, лишенным даже намёка на сочувствие. Последним было обследование по женской части — и от этой унизительной, безличной процедуры по коже пробежал ледяной озноб, а глаза снова наполнились слезами, хотя, казалось, плакать уже нечем. Закончив осмотр, женщина одарила её сочувствующим взглядом — таким коротким, почти украденным, что он показался Лике насмешкой.

— Помогите мне, — одними губами прошептала Анжелика, увидев в этих глазах хоть искру человечности.

Женщина поднялась и подошла к мужчине.

— Она здорова, — вынесла свой вердикт, и голос её снова стал твёрдым, деловым, без единого намёка на недавнее сочувствие.

— Вот и отлично, — оскалился он, и в этом оскале не было радости — только хищное удовлетворение, будто он только что проверил товар и остался доволен. — Значит, будет отрабатывать долг отца.

— Продай её в гарем, — подала голос женщина, а Лика

перестала дышать, и время будто застыло, превратившись в густую, вязкую смолу. — Ты посмотри на неё: девушка молода и красива. Белокурые волосы, фарфоровая кожа, голубые, как океан, глаза. К тому же она девственница. Ты можешь получить за неё хорошие деньги уже сегодня, и тебе не придётся вникать в проблемы, которые могут возникнуть с ней. А они непременно будут. Ты прекрасно знаешь, как ведут себя такие, как она, — в её словах звучала не забота, а холодный расчёт, отточенный годами.

Лика видела, как женщина пыталась убедить громилу, но искренне не понимала, зачем: ведь она сочувствовала ей пару минут назад, а сейчас обсуждала её, словно товар, с такой сталью и безразличием в голосе, что это было страшнее любой угрозы.

— Может, ты и права, — почёсывая бородку, задумчиво протянул он. — Так и поступлю.

Они собирались уходить, но Лика не могла просто так сдаться. Внутри вспыхнула отчаянная, обжигающая ярость, смешанная с болью.

— Зачем вы это сделали?! — кинулась она к женщине, и голос сорвался на крик, полный горечи и непонимания. — У вас что, сердца нет? — Слёзы готовы были сорваться с глаз, но она сдерживала их, стискивая зубы, потому что не хотела показывать этим людям свою слабость.

Женщина быстро перехватила её за плечи и стала оттеснять к матрасу — ловко, привычно, будто знала, как обра-

щаться с теми, кто вот-вот сорвётся в истерику. Быстро открыв чемодан, она достала шприц. Холодный металл блеснул в тусклом свете, как насмешливая улыбка судьбы. Уложив Лику на матрас, женщина сделала укол в плечо. Глядя прямо в глаза девушке, она быстро прошептала:

— Это успокоительное. Лучше спать с шейхом раз в неделю, чем с кем попало по несколько раз в день. Другого ты здесь не увидишь. Это лучший вариант для тебя, смирись.

Слова прозвучали не как утешение, а как приговор, произнесённый шёпотом, чтобы не потревожить тишину, которая уже начала окутывать сознание. Быстро поднявшись, женщина на ходу закрывала чемодан, направляясь к двери.

— Ну вот, о чём я тебе и говорила. Я вколола ей успокоительное, она проспит несколько часов. Советую не тянуть с продажей.

Это последнее, что слышала Анжелика. Мир начал расплываться, как акварельный рисунок под дождём: очертания комнаты стали мягкими, размытыми, голоса отдалились, превратившись в неясный гул. Веки налились тяжестью, и она провалилась в глубокий, беспросветный сон, где не было ни страха, ни боли, ни даже памяти о том, кем она была раньше.

ГЛАВА 3

Открыв глаза, увидела всё те же ненавистные стены — се-

рые, голые, без единой трещины или пятна, будто их специально отшлифовали до идеальной безликости, чтобы ничего не цепляло взгляд, не давало даже иллюзии утешения. Рядом на полу стоял поднос — дешёвый, пластиковый, с облезлыми краями. На нём лежала маленькая пластиковая бутылка воды, ложка и тарелка с непонятным содержимым. Что-то похожее на кашу было размазано по тарелке — серая, вязкая масса, от которой поднимался слабый, пресный пар. Угадать крупу так и не смогла. Аппетита не было — желудок сжался в тугой узел, отвергая даже саму мысль о еде. Лика взяла бутылку с водой и сделала несколько глотков: вода была тёплой, с пластиковым привкусом, но она смочила пересохшие губы и немного остудила пылающее горло. Так и не притронувшись к еде, она отставила поднос в сторону.

Время в ожидании неизвестности тянулось мучительно долго — каждая минута растягивалась, как жвачка, превращаясь в бесконечную, липкую ленту, которая тянулась и тянулась, не давая ни облегчения, ни ответа. Лика, как любая девушка, мечтала выйти замуж один раз и на всю жизнь — в белом платье, под звон бокалов, под счастливые взгляды родных. Перспектива стать наложницей в гареме ей не нравилась — это слово вызывало в воображении образ золотой клетки, в которой не было ничего её, ни единого уголка, ни единого вздоха, принадлежащего ей самой. Но после слов женщины-врача согласилась, что это для неё лучший вариант из тех, что доступны, — и от этого осознания стало тош-

но, будто она предавала саму себя, соглашаясь на такую судьбу. Хотя надежда сбежать всё ещё оставалась — маленькая, слабая, как огонёк свечи на ветру, но она теплилась, и Лика берегла её, как единственное, что у неё осталось.

Послышался шум — грубые мужские голоса, тяжёлые шаги по бетонному полу, — и на двери щелкнул замок. Звук был резким, металлическим, и он прокатился по подвалу, как выстрел. Дверь открылась, впуская полоску света, которая ударила по глазам, заставив зажмуриться. В помещение зашёл всё тот же бандит, ведя за собой мужчину лет сорока. Гость был одет в белые брюки и светло-голубую рубашку — выглаженные, дорогие, от них пахло чем-то сладковато-пряным, как от человека, привыкшего к роскоши и не знающего, что такое нужда. Чёрные как смоль волосы и такая же борода средней длины, аккуратно подстриженная, будто он только что вышел из парикмахерской. В руках держал чёрные чётки, постоянно перебирая их пальцами — это движение было плавным, механическим, будто он и не замечал его, но от него веяло чем-то неотвратимым, размеренным, как ход времени, который невозможно остановить. Он окинул безразличным взглядом девушку, задержался на ней не дольше секунды, и перевёл его на амбала. Лика внутренне подобралась, наблюдая за ними, чувствуя, как по спине бежит холодок, а сердце сжимается в предчувствии чего-то ужасного.

— Ну как тебе девочка, Мухаммед? — даже чересчур заискивающе спросил бандит, и в этом заискивании звучало

что-то унизительное — не для Лики, а для него самого, будто он уже признал себя мелким, незначительным человеком рядом с этим ухоженным господином.

— Сложно сказать, — чуть растягивая слова, заговорил гость. Его голос был низким, бархатистым, обволакивающим, и от него хотелось отодвинуться, будто он касался кожи невидимыми, липкими пальцами. — Помещение тёмное, сама она какая-то грязная, про одежду я вообще молчу.

Лика была одета в пижаму. Её забрали ночью из собственной спальни, в том, в чём была. А была на ней тёмно-синяя хлопковая пижама, состоящая из шортиков и маечки — мягкая, уютная, пахнувшая домашним мылом, а теперь — затхлостью подвала и страхом. Она смотрела на Мухаммеда снизу вверх, и ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимой, лишь бы не чувствовать на себе этот оценивающий, безразличный взгляд, от которого она не была человеком, а лишь товаром, который нужно осмотреть при хорошем освещении.

— Если надо, то отмоем и приоденем. Только вы же всё равно оденете её в своё. Врач её осматривал, девушка полностью здорова. Можем выйти наверх, и ты осмотришь её при хорошем освещении, — он приблизился к Лике и схватил за руку, ведя за собой. Его пальцы сомкнулись на запястье привычно и жёстко, и Лика покорно пошла за ним, чувствуя, как ноги не слушаются, а в горле стоит ком, который невозможно ни проглотить, ни выплюнуть.

Пройдя по мрачному коридору, где каждый шаг отдавался гулким эхом, поднялись по узкой лестнице. Ступени были бетонными, с металлическими перилами, холодными и шершавыми. Подвал оказался не в доме, а при нём: дверь выводила сразу на улицу. Анжелика зажмурилась от яркого света, отвыкнув за это время, находясь в полумраке. Солнце ударило по глазам, как молот, и на секунду она ослепла, увидев только ослепительно-белые вспышки. Несколько раз моргнув, чтоб привыкнуть, стала осматриваться. Дом был просто огромный: три этажа, большая территория вокруг, огороженная высокой стеной. Только мало походил на жилой — больше похож на офисное здание или что-то типа того. Повсюду ходила охрана — мужчины в тёмной одежде, с одинаково цепкими, настороженными взглядами, будто каждый из них готов был в любую секунду броситься на нарушителя. На большой парковке стояло около десяти машин: разных марок и цветов, но видно, что все дорогие, с блестящими кузовами и тонированными стёклами. Из открытого окна доносилась музыка и голоса — весёлые, беззаботные, и этот контраст с тем, что происходило с ней, был так жесток, что Лика едва не задохнулась от боли. Странное место, подумала Анжелика: оно вызывало страх и неприязнь, хотя дом был белоснежный и сверкал роскошью. Крыльцо украшали вазоны с цветами — яркие, ухоженные, будто их поливали каждый день, — и по стенам вились лианы с мелкими душистыми бутонами. Всё здесь было красивым, отполированным, и

от этой красоты веяло такой холодной, расчётливой жестокостью, что хотелось бежать без оглядки.

Мухаммед принялся рассматривать девушку пристальней — теперь, при дневном свете, его взгляд стал цепким, скользящим по ней, как по экспонату в музее, и Лика чувствовала каждый его взгляд кожей, как прикосновение холодных, влажных пальцев.

— Теперь вижу, что молода и красива, — двумя пальцами приподнял прядь белокурых волос. Жест был небрежным, собственническим, будто он уже купил её и проверял качество покупки. Прядь скользнула по его тёмной коже, и Лика сжалась от страха, чувствуя, как по всему телу пробежала волна тошнотворной дрожи.

— Похожа на ангела, — продолжал рассуждать Мухаммед, и в его голосе зазвучали нотки удовольствия, от которых стало ещё страшнее. — Хорошая фигурка, длинные стройные ножки. Нежная белая кожа, шёлковые волосы. А в этих бездонных голубых глазах хочется утонуть, — в его собственных зажёгся огонь — тёмный, горячий, и в этом огне не было нежности, только голод собственника, увидевшего желанную вещь. Что напугало девушку ещё больше.

— Я же говорил, что хороший товар, — ответил бандит, расплываясь в улыбке, которая больше похожа на оскал. — Мы столько лет работаем вместе, я тебя никогда не обманывал. Берёшь? Как договаривались?

— Беру. Думаю, Мустафа будет доволен этой куколкой,

— произнёс Мухаммед, и слово «куколка» прозвучало так, будто он говорил не о живом человеке, а о фарфоровой фигурке, которую можно поставить на полку, любоваться и играть с ней, когда захочется.

Мухаммед подал знак рукой — небрежно, не глядя, — и вскоре к ним подошёл человек, бесшумный, как тень. Подхватив Лику под локоть, повёл к парковке. Его хватка была не грубой, но безжалостной, как тиски, не дающие ни малейшего шанса вырваться. Посадил в чёрную иномарку с тонированными стёклами и прохладным кожаным салоном, в котором пахло дорогим парфюмом и чем-то ещё — отчуждением, покорностью, чужой властью. Девушка продолжала смотреть на мужчин, которые решили её судьбу, только уже через стекло машины. Оно казалось барьером между ней и миром, который она знала, тонким, но непреодолимым. Видела, как они недолго поговорили и обменялись рукопожатием — коротким, деловым, как при заключении сделки. И это было именно так: только что была заключена сделка, и товаром была она. Мухаммед сел на переднее пассажирское место, а тот, что уводил девушку, сел за руль. Машина плавно тронулась с места, и Лика смотрела, как дом, подвал, парковка и охрана медленно уплывают назад, растворяясь в мареве солнечного дня, будто растворяется последний образ прошлой жизни, к которой больше нет возврата.

ГЛАВА 4

Когда они доехали до места назначения, Лика потеряла дар речи. Если бы она попала сюда при других обстоятельствах, то была бы под сильным впечатлением от красоты этого места. Но сейчас красота давила, придавливала к сиденью, как тяжёлый, расшитый золотом плед, и вместо восхищения рождала тоскливый, вязкий ужас.

Дворец. По-другому и не скажешь. Всего один этаж, но дом занимал просто огромную площадь — он разлегся по земле, как сытый, ленивый хищник, выставивший напоказ свою роскошь. Белоснежное здание с золотой окантовкой сверкало так, что больно было глазам. Крыша была выполнена из множества башенок, похожих на настоящее золото, — они поднимались над зданием неровными пиками, и солнце, отражаясь в них, дробилось на тысячи искр, будто небо осыпало дворец звёздной пылью. Повсюду были разные входы, обозначенные колоннами с золотыми фресками или кантом, уходящим по спирали вверх, — каждая колонна казалась живой, будто по ней струился расплавленный металл, застывший на полпути. Потрясающей красоты сад окружал дворец со всех сторон. Кусты роз разных цветов — алые, нежно-розовые, белые, жёлтые — росли правильными рядами, и их аромат поднимался в воздух густым, одуряющим облаком, от которого слегка кружилась голова. Тропинки, выложенные мрамором, белели между клумбами, словно лунные дорожки, уложенные чьей-то заботливой рукой. Фрук-

товые деревья тянули к небу раскидистые кроны, увешанные спелыми плодами, которые казались нарисованными — такими идеальными были их формы и цвета. Беседки разных форм и размеров прятались в тени ветвей, и каждая была обвита цветущими лианами, будто маленький, укромный мирок внутри большого, роскошного сада. По центру бил большой фонтан, вода в котором подсвечивалась голубым, — она взлетала вверх тонкими, кружевными струями и падала обратно, разбиваясь на тысячи брызг, каждая из которых вспыхивала сапфировым светом, словно капля расплавленного неба.

Внутри было не хуже, чем снаружи. Высокие потолки, широкие коридоры, множество дверей — всё так же сияло золотом и белизной. Мраморный пол был прохладным и гладким, и шаги по нему отдавались мягким, приглушённым эхом, будто дом дышал, шептал что-то на своём непонятном, древнем языке. Стены были украшены тонкой резьбой и инкрустированы полудрагоценными камнями, которые поблёскивали в рассеянном свете, как капли росы на лепестках. Мухаммед провёл Анжелику по коридорам, несколько раз сворачивая то вправо, то влево, и она старалась запоминать повороты, но их было столько, что в голове всё смешалось в один золотисто-белый лабиринт. Подвёл к двери и завёл внутрь. Скорее всего, это была ванная комната. Комната была большой и светлой, с высоким окном, затянутым тонкой занавеской, сквозь которую лился мягкий, рассеянный свет.

Всё было выполнено в нежно-голубых тонах, и от этого цвета Лике стало немного легче дышать, будто она оказалась на берегу моря, в котором не было ни капли соли, только бесконечная, успокаивающая синева. Тут было несколько раковин, джакузи, небольшой бассейн, несколько плетёных ширм скрывали часть помещения. Из-за одной появилась девушка в коричневом до пят платье, с тёмными, блестящими волосами, убранными назад. Мухаммед заговорил на арабском. Лика знала его, но не в совершенстве.

— Помой её и одень, как положено. Поселишь к девушкам. Пусть осваивается. Найди кого-нибудь, чтоб объяснили правила поведения в этом доме.

Не дожидаясь ответа, он вышел, и дверь за ним закрылась с тихим, почти деликатным щелчком, будто даже она понимала, что более громкий звук здесь неуместен. Лика решила не афишировать знание языка. Так можно будет узнать то, что не предназначено для её ушей, — единственное преимущество, которое пока было у неё в этом чужом, золотом мире.

Девушка помогла принять ванну. Здесь было всё: разные мыла и аромомасла, множество шампуней и пузырьков, кремов и скрабов. Запахи переплетались в воздухе, создавая одуряющий, приторный коктейль, от которого слегка мутило. Вода была тёплой, мягкой, и тело, погружённое в неё, на секунду расслабилось, будто забыло, где находится и зачем. Только насладиться этим у Лики не получалось. Мысль

о том, что придётся лечь в постель с незнакомым мужчиной, сводила всю красоту и роскошь к нулю, обесцвечивая её, как кислота обесцвечивает яркий рисунок.

После водных процедур ей подали платье. Длинное, шёлк струился по плавным изгибам тела, лёгкий и прохладный, как утренний туман. Нежно-розовый цвет платья дополняли вкрапления блёсток, рассыпанных по бюсту, — они мерцали при каждом движении, словно кто-то рассыпал по ткани горсть мелких звёзд. Платье было красивым, но Лика чувствовала себя в нём не нарядной, а наряженной, словно куклу, которую переоделили для чужого праздника.

Девушка-служанка отвела Лику в комнату, где находилось около двадцати девушек, разного возраста и внешности, но на вид все не старше тридцати. Помещение было просторным, устланным мягкими коврами и подушками, и от него пахло духами и благовониями, сладко и тяжело. С её появлением в помещении воцарилась гробовая тишина, и в этой тишине было столько враждебности, что она ощущалась почти физически, как давление холодного, невидимого кольца, сжимающегося вокруг. Все девушки принялись оценивающе разглядывать вновь прибывшую, и их взгляды скользили по ней, как пальцы торговцев по ткани на базаре, — оценивающе, придирчиво, без единой капли сочувствия.

Одна выделялась на фоне остальных: она была одета чуть красивее и богаче, в платье с золотой вышивкой, и украшения на ней были тоньше и изящнее, чем у остальных. Сиде-

ла на подушках в центре, как королева на троне, и от неё исходила та уверенная, размеренная власть, которая не требует подтверждения словами. Её окружали одиннадцать девушек, образуя вокруг неё живой, послушный полукруг. До появления Лики они мило щебетали на арабском, и их голоса звучали переливчато, как звон ручейка, но с приходом новой девушки ручей разом пересох. Внешностью они были разные, но по общим чертам было ясно, что они коренные жительницы этой страны или её окрестностей: смуглая кожа, тёмные глаза, чёрные волосы, убранные под тонкие платки или распущенные по плечам.

Ещё пятеро сидели отдельно в правом углу, сбившись в тесную группку, и между собой переговаривались вполголоса. Если Анжелика уловила правильно, то скорее всего они американки: светлые лица, расслабленные, чуть вызывающие позы, и в их глазах читалась не покорность, а глухая, усталая злость. Две находились по диагонали от второй группы и внешне были похожи на русских: светлые волосы, бледная кожа, и в их облике было что-то родное, от чего у Лики на секунду защипало в глазах, но они смотрели на неё так же холодно и оценивающе, как все остальные. Оценив враждебный настрой абсолютно всех присутствующих, промелькнула мысль заговорить на немецком или французском, чтоб не общаться ни с кем, — спрятаться за чужим языком, как за стеной, и не впускать никого в свой маленький, израненный мир.

— Это новенькая, — нарушила затянувшуюся тишину служанка, и её голос прозвучал в этой гробовой тишине почти дерзко. — Введите её в курс дела, — после быстро покинула помещение, и дверь за ней закрылась с тихим шорохом, будто за ненужной вещью.

Лика продолжала стоять на месте, ожидая дальнейших действий девушек. Стоять было тяжело: ноги не слушались, а подушки, на которых сидели остальные, казались чем-то недоступным, чужим, словно трон, на который не смеешь присесть без разрешения.

— И откуда ты такая взялась? — заговорила на английском та, что выделялась. Голос у неё был низкий, чуть хриплый, и в нём звучала не просто любопытство, а холодная, хозяйская проверка, как будто она допрашивала не новую соседку, а чужака, посягнувшего на её территорию. Лика промолчала, и это молчание повисло в воздухе, как незаконченная фраза, которую каждая из них додумывала по-своему. — Русский понимаешь? — спросила на русском с сильным акцентом, и от этого акцента родной язык прозвучал чуждо, искажённо, будто его пропустили через кривое зеркало.

— Да, — коротко ответила Анжелика, и её голос прозвучал тихо, ровно, без единой лишней ноты.

— Хорошо, — продолжила говорить на русском, и с каждым словом её акцент становился менее заметным, будто она привыкала к языку заново. — Я здесь главная. Запомни это, — объявила с гордо поднятой головой, и в её тёмных глазах

блеснул огонёк, который не был ни злобой, ни радостью, а чем-то средним, как холодное удовлетворение человека, привыкшего к своей власти. — Ты должна во всём слушать меня, — Лика молча кивнула в знак согласия, и этот кивок дался ей как поклон перед чужим алтарём, на который не хочется, но нужно молиться. — Мы все наложницы шейха Мустафы Али Ибн Шахрай. Когда позовут в его покои, ты должна развлекать его и ублажать. Нельзя перечить, за это наказывают. Будешь послушной и покорной, будешь жить в роскоши и спокойствии. Не пытайся перетянуть его внимание на себя, или тебе не поздоровится.

— Я вообще не хочу его внимания и ублажать его не хочу, — высказала сразу свою точку зрения, и от этих слов повеяло таким отчаянным, безрассудным упрямством, что на мгновение в комнате стало совсем тихо, будто все присутствующие затаили дыхание.

— Я, конечно, была бы рада, но тогда тебе не избежать наказания, — довольно отозвалась главная девушка, и в её голосе проскользнула почти искренняя радость, будто чужое непослушание только укрепляло её собственную власть.

— А какого? — спросила Лика с надеждой на трудовые работы, и в этом вопросе было столько наивной, отчаянной надежды, что стало почти физически больно.

— Бывает, не приглашает к себе неделями, но в основном это удары плетью. Тем более в первый раз. Понятно же, что впервые для тебя будет не наказанием, а наградой, если он

забудет про тебя на долгое время. В остальном всё просто: гуляем, наряжаемся, едим и болтаем, — произнесла она так буднично, словно речь шла о расписании уроков, а не о плети и чужой постели, и от этой будничности по спине Лики пробежал ледяной озноб.

— Кто-нибудь уходил из этого дома? — решила задать самый главный вопрос, и голос её дрогнул, но она стиснула зубы и заставила себя посмотреть прямо в глаза той, что сидела на подушках, как на троне.

— Нет. Попадая сюда, ты становишься собственностью шейха на всю свою жизнь. Сам он не отпускает. Если надашь, может перевести в прислуги или отдать охране, — Лику передёрнуло на слове «охрана», и это движение не ускользнуло от цепкого взгляла главной, но она лишь чуть заметно усмехнулась, будто увидела что-то, что и так ожидала. — Две пытались сбежать, были убиты.

Последняя надежда рухнула, как карточный домик, — тихо, беззвучно, и от неё осталась лишь горстка обломков, которые невозможно собрать заново. Лика стояла посреди комнаты, в нежно-розовом шёлковом платье, среди двадцати чужих девушек, и чувствовала, как стены дворца, золотые и белоснежные, роскошные и безупречные, медленно, неумолимо смыкаются вокруг неё, превращаясь из дворца в ту же самую бетонную коробку подвала, только обитую золотом и шёлком.

ГЛАВА 5

Когда все немного успокоились, начали знакомиться. В воздухе всё ещё витал тяжёлый, пряный аромат благовоний, но напряжение, сковывавшее комнату, понемногу рассеивалось, как утренний туман под тёплыми лучами солнца.

Главная в гареме — Фатима: высокая, стройная, с гордой осанкой, будто она не просто жила во дворце, а сама была его частью, его душой. Кареглазая, с длинными чёрными как смоль волосами, струящимися по спине, словно шёлковая ночь. Она же была самой взрослой — ей исполнилось двадцать восемь лет. Фатима первой появилась в гареме, когда шейху было двадцать пять. Она жила тут уже десять лет — целую вечность в этих стенах, пропитанных роскошью и тишиной, в которой каждый звук казался предательски громким. Первые пару лет она была единственной девушкой шейха Мустафы Али Ибн Шахрай, купалась в его внимании, верила, что это навсегда. Потом стали появляться другие, и ревность, острая и жгучая, как перец на ране, разрывала её изнутри. Она пыталась с ними бороться, бросалась в споры, устраивала сцены, за что её часто наказывали. Со временем Фатима смирилась, но в её взгляде навсегда осталась тень той первой, отчаянной боли — и холодная, выточенная годами власть, которую она теперь держала в руках, как отточенный клинок.

Девчонки из России — Лиза и Катя — оказались рядом,

и их присутствие вдруг стало для Лики чем-то вроде опоры, пусть и шаткой. В гареме они были почти два года. Им было по двадцать пять, они были подругами со школьных времён, и эта старая, проверенная связь чувствовалась в каждом их движении, в том, как они переглядывались, как Катя чуть заметно касалась локтя Лизы, когда та начинала горячиться. Они прилетели в Дубай по горящим путёвкам, чтобы отдохнуть, вдохнуть солёный морской воздух и на несколько дней забыть о серых буднях. Познакомились с парнями, те пригласили посидеть в кафе. А очнулись уже в этом дворце — в золотой клетке, где каждый день был похож на предыдущий, а надежда на возвращение домой таяла, как дым над костром. Катя — кареглазая шатенка, тихая и скромная, с мягкими чертами лица и взглядом, в котором застыла бесконечная усталость. Лиза — её полная противоположность: зеленоглазая, огненно-рыжая, весёлая и заводная, она смеялась громче всех, будто пыталась заглушить собственный страх.

Остальных Лика запомнила поверхностно: Розана, Лейла, Фарида, Джулия, Кассандра. Их имена звучали как музыка, чуждая и немного пугающая, и остальные сразу вылетели из головы. Для первых часов и этого было достаточно. Для себя она отметила, что была самой молодой из всех, и от этого чувства — быть самой юной, самой уязвимой — по коже пробегал лёгкий холодок. Ещё она узнала немного о самом шейхе: о его привычках и предпочтениях, о мелочах,

которые здесь знали наизусть и передавали друг другу шёпотом, как тайные заклинания. Фатима посещала его два раза в неделю. Остальные — не больше одного. Ни одна девушка за всё это время ни разу не беременела. То ли он не мог иметь детей, то ли не хотел — об этом никто не знал, и эта неизвестность висела в воздухе, как тонкая, почти невидимая паутина, липкая и пугающая.

Ближе к вечеру Лика общалась с Катей и Лизой. Свет в комнате стал мягче, приглушённее, будто сам дворец убавлял яркость, готовясь ко сну. Девчонки делились своими мечтами, которым не суждено было сбыться, и переживаниями, которые копились внутри, как дождевая вода в закупоренной бутылке.

— Как же мне не нравятся Фатима и её свита, — шёпотом процедила сквозь зубы Лиза, и в её голосе звучала не просто неприязнь, а горькая, выстраданная усталость. — Всегда кажется, что они обсуждают нас и строят козни. Всегда приходится быть начеку. Ешь с опаской, спишь тоже. Я уже и забыла, когда последний раз высыпалась.

— Думаю, сегодня они будут обсуждать меня, а про вас забудут, — с улыбкой произнесла Лика, и улыбка получилась натянутой, как тонкая ткань на ветру, но она старалась держаться. — Так что можешь расслабиться и выспаться этой ночью.

— Ты думаешь, мы дадим тебя в обиду? — почти с обидой спросила Лиза, и в этом вопросе прозвучала искренность, от

которой у Лики на секунду защемило в груди. — Нам надо держаться вместе, если хотим выжить.

Анжелика кивнула в знак согласия и стала прислушиваться к разговорам компании Фатимы. Их голоса звучали чуть громче, увереннее, будто они имели право говорить громче всех.

— Что будем делать с новенькой? — спросила одна из девушек, и в вопросе не было любопытства — только холодный расчёт.

— Пока ничего, — ответила Фатима, и её голос прозвучал ровно, без лишних эмоций, как приговор, который не обсуждают. — Приглядывайте за ней, но не трогайте. Что делать, будет видно после первого похода к шейху.

После этого она переключилась на американок. Те ничего серьёзного не затевали — просто обсуждали внешность Лики, бросая короткие, колкие фразы, и повышали свою самооценку, принижая её красоту. Их смех звучал звонко, почти беззаботно, но в нём чувствовалась та же усталость, что и у остальных, только спрятанная глубже, под слоем бравады.

Вскоре пришла служанка и принесла наряд для Анжелики. В комнате на мгновение стало тихо, будто даже воздух замер, прислушиваясь к тому, что произойдёт дальше. Тут её спокойствие дало первую трещину — тонкую, едва заметную, но от неё по всему телу пробежала дрожь, как от лёгкого сквозняка. Лика не хотела идти к шейху в комнату в первый же день своего появления. Она была готова оттягивать

этот момент как можно дольше, цепляться за каждую минуту свободы, даже если эта свобода была всего лишь иллюзией. Но её мнение никого не интересовало.

Развернув принесённый наряд, Лика и вовсе задрожала всем телом. Белоснежное платье, расшитое камнями на груди, из лёгкой прозрачной ткани, которая струилась, как утренний туман. Камни поблёскивали в полумраке комнаты, будто крошечные льдинки, и каждый их отблеск резал глаза. Судя по наряду, хотели подчеркнуть в ней схожесть с ангелом — невинным, хрупким, беззащитным. Но Лика чувствовала себя не ангелом, а птицей, которую поймали и посадили в золотую клетку, и теперь любовались её перьями, забыв, что птице нужно небо.

ГЛАВА 6

Стоя перед дверью комнаты Мустафы, куда привёл девушку слуга, Лика никак не могла решиться зайти. Дверь была тяжёлой, тёмного дерева, с золотой ручкой в форме переплетающихся змей, и от неё веяло чем-то окончательным, безвозвратным, как от двери, за которую уже не возвращаются. Ноги совсем не слушались — будто налились свинцом, вросли в мраморный пол, и каждая клетка тела кричала: не входи, развернись, беги. Дыхание перехватывало, и мелкая дрожь проходила по всему телу, накатывая волнами, от кончиков пальцев до самых плеч. Руки начали подраги-

вать, и Лика спрятала их в складках платья, но ткань была слишком тонкой, слишком лёгкой, чтобы укрыть от чужих глаз то, что творилось внутри. Единственная мысль, которая набатом била в голове: *Бежать. Бежать! Надо бежаааать!!!!!*Но бежать было некуда, и она знала это, и от этого знания дрожь становилась только сильнее. Ожидание затянулось, и парень, что привёл её, видимо потеряв терпение, сам открыл дверь и подтолкнул девушку в комнату, тут же закрыв её за собой. Щелчок замка прозвучал тихо, почти деликатно, но Лика услышала его каждой нервой своего тела.

Шейх восседал на разноцветных подушках разного размера, в центре комнаты — разваленных, небрежно разбросанных, будто он упал на них, как нарисованный султан со старинного ковра. Комната была просторной, с высокими потолками, и воздух в ней был тёплым, густым, пропитанным сладковатым ароматом сандала и чего-то ещё, от чего голова слегка кружилась. Свет был приглушённым, мягким, источники его прятались где-то за нишами и тканями, и от этого всё в комнате казалось немного нереальным, словно сон, в котором ты знаешь, что спишь, но не можешь проснуться.

«Интересно, сидеть в центре — это такой способ показать, что ты главный, или традиция такая?»— мелькнуло в голове Лики, и эта чужая, почти обыденная мысль на секунду отвлекла от ужаса, но лишь на секунду.

Мустафа прошёлся по её телу оценивающим взглядом — медленно, не торопясь, сверху вниз, и обратно, и этот взгляд

был не мужским, не жадным, а именно оценивающим, как у ювелира, который рассматривает новый камень, решая, сколько он стоит. Девушка в свою очередь тоже изучала его. Тёмные коротко стриженные волосы, чуть тронутые сединой на висках. Свободного кроя рубашка молочного цвета, в тон ей — свободные штаны. Сверху накинут нараспашку халат из такой же ткани, но чуть темнее, и от него пахло чем-то дорогим, терпким, как от человека, который давно забыл, что такое нужда. Он полулежал, опираясь на один локоть, одна нога была подогнута, другая согнута в колене, и в этой расслабленной позе было столько уверенности, столько привычной власти, что хотелось отвести взгляд. На невысоком столике стояла бутылка вина и два бокала, рядом корзинка с фруктами, из которой шейх медленно поедал виноград, снимая каждую ягоду с грозди с видом человека, которому некуда спешить и нечего бояться.

— Арабский? Английский? Русский? — Он произнёс каждое слово на том языке, к которому оно принадлежало, и на каждом звучал безупречно, как человек, для которого языки — не искусство, а инструмент.

— Русский, — еле слышно выдавила девушка, и её голос прозвучал так тихо, что почти утонул в тишине комнаты.

— Проходи, присаживайся, — продолжил на русском практически без акцента, и этот безупречный, почти родной русский прозвучал странно и жутко, будто язык, который должен был быть безопасным, родным, вдруг стал частью чу-

жого, враждебного мира. — Познакомимся, поговорим.

Лика присела на подушки напротив, так, чтоб столик стал преградой между ними, и эта маленькая, хрупкая преграда из дерева и стекла казалась ей единственной линией обороны. Подушки оказались мягкими, податливыми, и тело в них утонуло, потеряв опору, будто даже мебель здесь была на стороне хозяина. Шейх сменил позу и сел в позу лотоса. Разлил по бокалам вино, один протянул девушке. Вино было тёмно-рубиновым, густым, и в свете мерцающих ламп оно переливалось, как жидкий гранат. Лика несмело приняла бокал, и её пальцы коснулись его пальцев — тёплых, сухих, с гладкой кожей человека, который никогда не работал руками.

— Выпьем за знакомство! — приподнял бокал вверх. — Можешь звать меня Мустафа.

— Анжелика. Но можно просто Лика, — повторив жест за мужчиной, она подняла бокал, и рубиновая жидкость колыхнулась, бросив на её пальцы тёплый, кровавый блик. Он отпил полбокала, а Лика сделала пару маленьких глотков, и вино было терпким, тёплым, с привкусом специй, и оно медленно потекло по телу, оставляя за собой дорожку тепла, которое, казалось, оттаивало что-то заледеневшее внутри.

— Может, расскажешь немного о себе? — продолжил разговор мужчина, поставив бокал на стол. Анжелика сделала то же самое, и их бокалы встали рядом, словно две точки на одной линии, разделённой столиком.

— Мне девятнадцать лет, — почему бы и нет, подумала

она и начала рассказ, и слова шли легко, будто она уже давно прокручивала их в голове, собирая в ровный, безэмоциональный рассказ, в котором не было ни одной слезинки. — Я из России. С отцом переехали в этот город три года назад. Он не смог отдать долг, и его убили, а меня забрали и продали вам. Как-то так. — Лика смотрела в глаза шейха, пытаясь найти сочувствие и надежду, что её пожалеют и отпустят. Но в его глазах было безразличие к истории — гладкое, отполированное, как поверхность озера, в котором нет ни ветра, ни жизни. Он слушал так, будто она рассказывала не о смерти отца и продаже в рабство, а о какой-то бытовой мелочи, которая не стоила ни внимания, ни сочувствия.

— Можешь не переживать больше. Теперь о тебе буду заботиться я. Тебя никто не тронет, и тебе не нужно больше зарабатывать на жизнь. Теперь у тебя будет всё, что пожелаешь, — он говорил с таким выражением лица, словно она вытащила счастливый билет, и от этого тона, этого сытого, благодушного голоса, внутри всё перевернулось.

— Вы думаете, что я переживаю из-за денег и работы?! — не смогла скрыть своего нарастающего возмущения, и голос её дрогнул, но не от страха, а от ярости, которая начала закипать где-то глубоко, как лава перед извержением.

— А из-за чего ещё? — словно искренне не понимал он, и в этом непонимании было столько отстранённости, столько безразличной, сытой уверенности, что Лике стало страшнее, чем от любого крика.

— Моего отца убили! — повысила голос, чтоб донести суть, и каждое слово прозвучало как удар, как удар кулака по столу, по которому не стучат. — Меня продали словно вещь. Я должна подчиняться вам, у меня нет больше права голоса! Я должна делать то, что мне скажут! Вот о чём я переживаю.

— Это всё глупости, — отмахнулся он, и этот жест был таким небрежным, таким ленивым, будто он отгонял муху, а не слова о чужой боли, о чужой жизни. — Скоро ты привыкнешь и будешь счастлива.

— Сомневаюсь, — прошептала себе под нос, но он услышал, и его глаза чуть сузились, будто в этом шёпоте он уловил нечто, что не входило в его планы.

— Не сомневайся. Ты очень красива, и тебе не нужно работать. Будешь ласкова со мной, и у тебя будет всё, — он произнёс это так, будто делал ей предложение, от которого не отказываются, и от этого предложения Лику передёрнуло, будто по коже провели ледяной рукой.

— Вы серьёзно сейчас?! — Лика сделала три больших глотка, пытаясь сохранить спокойствие. Вино обожгло горло, но тепло, разлившееся по телу, немного притупило##, и язык стал чуть смелее, а слова — острее.

— Более чем, — спокойно парировал Мустафа, поднимаясь на ноги, и в этом движении было столько сдержанной, хищной грации, что Лика мгновенно пожалела о своей смелости. — Хватит на сегодня разговоров, перейдём к десерту, — он потянулся к Анжелике, и его рука, протянутая к ней,

казалась змеёй, медленно, не торопясь, приближающейся к добыче.

Девушка мгновенно вскочила на ноги и отпрыгнула в сторону, и подушки, на которых она только что сидела, взметнулись, будто от порыва ветра.

— К ка-кому десерту? — спросила заикаясь, и голос её, только что звеневший от возмущения, вдруг стал тонким, ломким, как стеклянная нить.

— К самому вкусному, — улыбнулся шейх, как чеширский кот, и от этой улыбки повеяло таким холодным, ленивым удовольствием, что по спине пробежала дрожь, не имевшая ничего общего с холодом. — Ты же не думаешь, что я тебя поболтать позвал?

— Я не буду с вами спать, — сказала, отступая назад, так как мужчина стал приближаться, и каждый его шаг был неторопливым, уверенным, как шаг человека, который знает, что добыче некуда деться.

— Почему? — искренне удивился, и в этом удивлении не было ни гнева, ни обиды — только искреннее, детское непонимание, будто ему никогда и ни в чём не отказывали.

— Я вас вижу в первый раз! — пыталась подбирать слова, чтоб не обидеть, но каждое слово давалось с трудом, потому что правду нельзя сказать мягко, а ложь она говорить не умела.

— Именно поэтому я дал тебе время привыкнуть ко мне, — и в его голосе прозвучала такая уверенность, такое спо-

койное самообладание, что Лике показалось, будто он заранее, ещё до её прихода, просчитал все её возражения и отмёл их.

— Сколько? Минут двадцать? Я не буду с вами спать, — с нотками стали в голосе сказала Лика, и эта сталь прозвучала звонко, отчаянно, как последний удар меча перед тем, как его выбьют из рук.

— Не зли меня, девочка, — стал заводиться шейх, и его голос, только что ровный и бархатистый, начал густеть, темнеть, как грозовая туча, собирающаяся перед бурей.

Он приближался к девушке, а она в свою очередь отступала. Они кружили вокруг ложа из подушек, переговариваясь, и этот странный, медленный танец был похож на изматывающую игру, в которой один знал, что победит, а второй знал, что проиграет, но не мог остановиться.

— А то что?! — вскинула она подбородок, и в этом жесте было столько отчаянной, безрассудной дерзости, что даже Мустафа на секунду замер.

— Могу наказать, — пригрозил он, и слово «наказать» прозвучало не как угроза, а как констатация факта, простая и будничная, как прогноз погоды.

— Да хоть убейте! По доброй воле я не дамся, — задрала подбородок, и в этих словах было всё: и страх, и ярость, и отчаяние, и та последняя, предельная решимость человека, которому больше нечего терять.

— Хватит!!! — рявкнул Мустафа, и его голос ударил по

комнате, как раскат грома. Лика вздрогнула всем телом, будто её толкнули. — А ну быстро подошла сюда, — от злости акцент слышался сильнее, и в этом прорвавшемся акценте было что-то обнажённое, настоящее, словно маска цивилизованного, безупречного хозяина треснула, и из-под неё выглянул настоящий, не привыкший к отказам хищник.

— Нет! Вы посмотрите на себя. Что вы делаете? — и в её голосе, несмотря на страх, звучала та самая, неукротимая прямота, которая не умела молчать, даже когда молчание было единственным способом выжить.

— А что я делаю? — удивился он и стал осматривать себя, и в этом жесте было столько искреннего, непонимающего недоумения, что Лика на секунду забыла о страхе.

— Вам сорок пять! Да у меня отец на пять лет вас младше. Не буду я спать со стариком! — злость и вино, разливающееся по телу теплом, придавали смелости, и слова вылетели сами, без разрешения, без оглядки, как камни из-под колёс, и каждый из них попал в цель. После этих слов его глаза налились кровью, тёмные, блестящие, будто в них кто-то задул все свечи и зажёг пожар. Лицо исказила злая гримаса, и от этой гримасы красивое, ухоженное лицо превратилось в маску, от которой хотелось бежать без оглядки. Мустафа стал шумно и тяжело дышать, грудь его вздымалась, и казалось, ещё чуть-чуть, и из его рта появится пламя и испепелит бедную девушку.

— Увестиии!!! — прокричал он, и дверь тут же откры-

лась, будто за ней кто-то стоял и ждал этого крика. В комнату вбежал тот же парень, что и привёл её, и в его глазах на долю секунды мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он тут же спрятал это, как прячут карту, которую нельзя показывать сопернику. Подхватив под локоть, потащил к двери.
— Двадцать ударов плетьми! — крикнул вслед, и это число повисло в воздухе, как приговор, обжёгший Лике спину ещё до первого удара.

Парень вёл её по коридору, причитая тихо на арабском, и его голос был мягким, почти колыбельным, словно он пытался убаюкать чужую боль, которая ещё даже не началась.

— Бедная, бедная девочка. Что же ты наделала. Так его не злил ещё никто, — шептал он, и в каждом слове звучала такая горькая, усталая жалость, что у Лики защипало в глазах, но она не заплакала, потому что слёзы закончились раньше, чем начался этот день.

Лика продолжала разглядывать парня, пока он вёл её по бесконечным коридорам, и его лицо, освещённое тусклым, желтоватым светом, казалось единственным живым, человеческим в этом золотом, бездушном мире. Высокий, спортивного телосложения, которое выделялось даже через странную балахонистую одежду. Симпатичный, зеленоглазый, с густыми пушистыми ресницами, которые отбрасывали тень на скулы. Шоколадного цвета волосы, короткие, чуть вьющиеся на висках. Пухлые, чётко очерченные губы, на которых застыла тень горькой, бессильной жалости. На вид —

лет двадцать пять. Интересно, почему он работает именно здесь? Тоже в рабстве, или это его осознанный выбор? Но спрашивать не было сил, да и не время было для разговоров.

Завёл в небольшую комнату — тесную, тусклую, с голыми стенами, после золотых коридоров она выглядела как насмешка, как изнанка роскоши, которую не показывают гостям. Воздух здесь был затхлым, тяжёлым, и от него перехватывало дыхание. Следом зашла женщина средних лет с злым лицом — сухим, жилистым, словно весь мир был ей враг, и она давно привыкла бить первой, не дожидаясь удара. В её руках была плеть — короткая, с плотной, сплетённой из кожи рукоятью, и от одного её вида по коже Лики пробежала ледяная волна, которая сжала всё тело в тугой, звенящий комок. Парень отступил к двери, и в его глазах мелькнула тень, которую он не успел спрятать: не жалость даже, а что-то более глубокое, тихое и беспомощное, как взгляд человека, который видит неизбежное и не может его остановить.

Лика не успела сказать и слова, как женщина нанесла первый удар плетью. Боль рассекла правое плечо — резкая, ослепляющая, как вспышка молнии в тёмной комнате, и от неё перехватило дыхание, а перед глазами всё поплыло. Вскрикнув, Лика отвернулась, инстинктивно подавшись вперёд, обнимая себя руками, но это движение только открыло спину. Тут же получив ещё два удара по спине. Боль была похожа на боль от ожогов — глубоких, раскалённых, будто по коже провели раскалённым железом, оставляя

за собой влажные, пылающие полосы. Спина горела, и казалось, стала влажной, и эта влага была тёплой, липкой, и Лика поняла, не глядя, что это кровь, но думать об этом не было сил, потому что боль выжигала все мысли, оставляя только белый, слепящий пустой свет. Подавив крик в себе, сжав зубы так, что они заскрипели, стерпела ещё несколько ударов. Каждый следующий казался больнее предыдущего, будто боль накапливалась, наслаивалась, и каждая новая полоса ложилась поверх старой, не давая прежним затихнуть, раздувая их заново. Где-то на десятом она рухнула на колени, и бетонный пол ударил по голым ногам, но эта боль была ничтожной, мелкой, как искра перед пожаром. Стала стонать — тихо, сжато, сквозь стиснутые зубы, потому что полностью молчать не получалось, и каждый стон вырывался наружу, как воздух из проколотого шара. Спина горела. Казалось, с неё сняли кожу и обнажили нервы, и каждый удар плети касался их напрямую, без всякой защиты, без всякого барьера. Ещё пара ударов, и в глазах начало темнеть, и эта темнота была не пугающей, а, наоборот, манящей, словно кто-то выключал свет, один за другим, и каждый выключенный светильник уносил с собой кусочек боли, и от этого становилось легче, тише, спокойнее. К семнадцатому Лика потеряла сознание от боли — и в этой темноте не было ни золота, ни шёлка, ни дворца, ни шейха, ни плети, ни страха, только тихая, бесконечная, благословенная пустота, в которой наконец-то можно было не чувствовать.

ГЛАВА 7

Пришла в себя Лика в маленькой комнате — тесной, тёмной, совсем не похожей на те золотые чертоги, по которым её вели вчера. Она лежала на животе на жёсткой кровати, и каждый вдох отдавался тупой, ноющей болью, будто кто-то положил ей на спину раскалённую плиту и не снимал. Спина была накрыта чем-то прохладным — влажная ткань легла на кожу осторожно, словно чья-то невидимая рука пыталась унять огонь, который всё ещё тлел в каждом ударе, нанесённом плетью. Боль ощущалась, но уже приглушённо, будто кто-то убавил её громкость, и она звучала теперь не орущим, а слабым, далёким эхом. Рядом на тумбочке горела свеча — единственный источник света в этой каменной тишине, и её огонёк дрожал, бросая на стены неустойчивые, качающиеся тени, будто и он сам боялся нарушить покой этой комнаты.

Хотела встать. Движения отдали жгучей болью в спине — острой, как прикосновение раскалённой иглы, и Лика тут же замерла, стиснув зубы, чувствуя, как по телу прокатилась волна тошноты. Рядом послышался шорох, и тот парень, что вёл её, навис над ней. Его лицо в мерцающем свете свечи казалось вырезанным из тёплого дерева — мягкие тени лежали на скулах, на подбородке, в уголках глаз, которые смотрели с такой тихой, беспомощной жалостью, что у Лики снова защипало в горле. Взглянул в глаза и взял что-то с тумбы. Это

оказалась таблетка и стакан воды. Поднёс к губам девушки, жестами показывая, что надо выпить.

— Выпей, легче станет, — тихо говорил на арабском, и его голос был мягким, почти колыбельным, будто он убаюкивал раненую птицу, которая бьётся в руках и не понимает, что её хотят спасти. — Жаль ты меня не понимаешь, — с грустью, и эта грусть прозвучала так искренне, что Лика на мгновение забыла, где она и что с ней произошло. — Это обезболивающее. — Лика выпила таблетку, и та проскользнула в горло, оставив после себя горьковатый, вяжущий привкус. Он убрал стакан. — Как же меня раздражает этот языковой барьер, — тихо злился он, продолжая бубнить себе под нос, и его голос то поднимался, то опускался, как прибой, который набегает на берег и отступает, не в силах пробиться сквозь скалу. — Эта девчонка станет третьей погибшей. Если бы я мог помочь. Но она не поймет, как и те девушки.

Анжелика задумалась. Свеча на тумбочке мигнула, будто подмигнула ей, и тени на стене сдвинулись, словно подталкивая к решению.

«С одной стороны, парень внушает доверие, с другой — глупо верить здесь кому бы то ни было. Вдруг расскажет всем, что знаю их язык, тогда при мне точно не будут разговаривать о чём-то важном. С другой стороны, может, поможет сбежать? Хотя вряд ли. Мог бы сам — сбежал бы. Или ему тут нравится? Как же сложно принять решение». Мысли метались в голове, как мотыльки вокруг свечи, и каждая

обжигала, не давая ухватиться ни за одну.

Лика предприняла ещё одну попытку встать. Зашипела от боли, и этот звук вырвался из горла, как пар из чайника, резкий и неотвратимый. Парень подскочил мгновенно, помогая подняться, и его руки были осторожными, бережными, будто он держал не девушку, а хрустальную вазу с трещиной, которая могла рассыпаться от одного неловкого движения. В его глазах было столько сочувствия и понимания, что Лика впервые за всё время, оказавшись в этом золотом аду, почувствовала себя не вещью, а человеком.

— Не стоило, — заговорил вновь, и его голос зазвучал мягче, чем раньше, будто он пытался голосом заменить те слова, которые она не могла понять. — Придерживай простыню, а ты же не понимаешь, — махнул рукой и придержал ткань на груди Анжелики.

Она мгновенно схватилась за грудь и только сейчас поняла, что раздета и только лёгкая ткань прикрывает тело. Огонёк свечи бросал на её кожу тёплый, дрожащий свет, и в этом свете царапины и ссадины, оставленные кустарником, казались совсем незначительными по сравнению с тем, что творилось на спине. Парень быстро убрал руки и стал говорить практически скороговоркой, и его голос зазвучал выше, быстрее, будто он споткнулся о собственные слова и не мог остановиться.

— Я только хотел помочь, чтоб простыня не упала, — в его глазах читался настоящий испуг, не притворный, а глубо-

кий, живой, как у человека, который знает, что одно неверное движение может стоить ему если не жизни, то здоровья точно. — Только проблем мне не хватало, — уже начал говорить сам с собой, и его руки дёрнулись, будто он не знал, куда их деть. — Сейчас обвинит в домогательстве, и накажут уже меня. Долбаный языковой барьер, — он отошёл и пнул тумбочку, та скрипнула, и звук получился жалким, обиженным, будто даже мебель сочувствовала ему в его бессильной злости.

— Успокойся, я не буду жаловаться, — всё же заговорила на арабском, чтоб успокоить парня, и каждое слово прозвучало чётко, ясно, будто она произносила их не в тёмной, затхлой комнате, а на залитой солнцем улице. Он резко повернулся и приблизился, и на его лице отразилось столько изумления, столько внезапной, ослепительной надежды, что Лика на секунду испугалась этой надежды, потому что она была слишком яркой, слишком хрупкой для этого места.

— Ты понимаешь меня? — в его глазах зажглась надежда, и они засветились, будто в них кто-то зажёг свечу, ещё ярче, чем та, что стояла на тумбочке.

— Да. Только никому не говори, пожалуйста, — с мольбой просила девушка, и в голосе прозвучала та отчаянная, предельная искренность, которая бывает только у человека, который отдаёт свою тайну в чужие руки и знает, что если её предадут, то всё кончено. — Не хочу, чтоб кто-то знал.

— Хорошо, — быстро согласился он, и это согласие про-

звучало так немедленно и безоговорочно, будто он ждал именно этих слов, именно этой просьбы, и был готов выполнить её раньше, чем она успела договорить. — Я Амир.

— Лика.

— Чем ты его так разозлила? Обычно наказывает пятью ударами, один раз было десять, за попытку побега. Но двадцать — впервые! — в его голосе звучало не просто удивление, а что-то похожее на восхищение, смешанное с ужасом, как если бы он увидел человека, который голыми руками тронул разъярённого льва и остался жив.

— Сказала, что не буду с ним спать. Что он старик, и даже мой отец младше его, — пожала плечами и тут же скривилась от боли, потому что даже это маленькое движение отозвалось в спине тупым, раскатистым гулом, будто кто-то провёл палочкой по краю стакана.

— Это ты зря, — покачал Амир головой, и в этом жесте было столько усталой, выстраданной мудрости, что Лика вдруг почувствовала себя ребёнком, которому взрослый объясняет очевидное, но непонятное. — Он всё равно заставит. Будут избивать, пока не согласишься, — сочувственно проговорил, и от этих слов по телу пробежал холод, который был глубже и страшнее любой боли в спине.

— Пусть бьют, я лучше умру, — твёрдо заявила Лика, и её голос прозвучал так, будто она произносила не приговор, а простую, обыденную истину, которая не требовала ни доказательств, ни подтверждений.

— Я здесь уже много лет. Все девушки проходили через это и все сдавались. Кто-то раньше, кто-то позже, — его голос стал тише, глуше, будто он говорил из глубины тёмного колодца, на дне которого собрал все эти истории за годы жизни в этих стенах. — Дольше всех продержалась Мария. На её спине не было живого места. Раз в неделю по пять побоев. Она выдержала восемь недель. Потом пыталась сбежать. Её поймали, и господин отдал её охране. Трое суток они по очереди делали всё, что хотели, а потом застрелили, — с горечью рассказал он, и каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь по ней тёмными, тяжёлыми кругами.

После такого рассказа Лике стало трудно дышать. Воздух в комнате будто сгустился, стал тяжёлым, вязким, и каждый вдох давался с усилием, будто лёгкие сжались, отказываясь принимать это. Больше всего её напугала часть про охрану — не сама смерть, нет, а то, что предшествовало ей, и мысль о трёх сутках, которые были страшнее любой смерти. Амир подал ей стакан воды; осушив его залпом, вернула, и вода была прохладной, безвкусной, но она смочила пересохшее горло и на секунду вернула ощущение реальности, которая ускользала, растворяясь в тёмном, душном тумане.

— Неужели нет ни малейшего шанса сбежать? — и в этом вопросе было столько отчаянной, жадной надежды, что Лика сама испугалась её, потому что надежда в этом месте была опаснее любого оружия.

— Может, маленький и есть, только без помощи совсем

никак. Я пытался помочь, но Мария не понимала меня, — и в его голосе прозвучала та тихая, выстраданная боль человека, который уже однажды потерял и не хочет терять снова, но не знает, как этому помешать.

— А ты можешь помочь мне? — с надеждой спросила Лика, и её глаза, голубые, бездонные, в мерцании свечи казались почти прозрачными, и в них горел огонёк, который не могла погасить ни боль, ни страх.

— Попробую, но не сейчас, — увидев готовность в глазах девушки, уточнил он, и его голос стал твёрже, собраннее, будто он и сам только что принял решение, которое долго откладывал. — Тебе необходимо восстановиться. В таком состоянии ты далеко не уйдёшь, не то что бежать. А бежать придётся быстро и долго. Если поймают, это верная смерть.

— А почему ты здесь? Неужели никогда не хотелось уйти? — Лика смотрела на него, и в тусклом свете свечи его лицо казалось старше своих лет, будто время здесь текло иначе, быстрее, безжалостнее, оставляя следы не на коже, а где-то глубже.

— Нет. Моя мама была служанкой. Я вырос в этом доме. Начал работать ещё подростком при отце Мустафы. Я привык к такой жизни. Другой у меня всё равно уже не будет, даже если сильно захочу, — с такой неподдельной грустью и болью в голосе закончил Амир, и от этих слов повеяло холодом, не от мира, а от человека, который давно похоронил свою свободу и смирился с тем, что могилу не раскопать.

— Почему? Тебя не отпустят, если ты захочешь уйти?

— Мне незачем уходить. Я… евнух, — последнее слово он сказал, глядя в глаза, и в его взгляде, прямом, незащищённом, была та обнажённая, беззащитная честность, которую показывают только тем, кому нечего терять.

— И что? Это вроде слуга? Ты же можешь устроиться на другую работу? — не сразу поняла суть сказанного, и её голос звучал легко, почти обыденно, будто речь шла о чём-то простом, понятном, не имеющем за собой страшной, непоправимой глубины.

— Устроиться-то могу, только евнухом быть не перестану.

— Я не понимаю.

— Такими, как я, делают специально, чтоб служить при гареме. Меня таким сделали в четырнадцать, — и его голос, обычно ровный и мягкий, дрогнул, всего на секунду, но Лика уловила это, и от этого короткого, почти незаметного дрожания по её спине прошла волна, не имеющая ничего общего с болью от плети.

— Каким таким? — Лика видела боль в его глазах, но не могла понять. Она никогда не интересовалась гаремами и их слугами. Ей было неинтересно, как всё устроено и что там происходит. Знала бы, что однажды попадёт в такое место, обязательно почитала бы литературу с нужной информацией. Но кто думает о таких вещах, когда жизнь течёт ровно и спокойно?

— Мужчина, который должен круглосуточно работать в

кругу красивых молодых женщин, не должен смотреть на них как на женщин. Чтоб этого добиться, мужчинам делают… — он показал пальцами ножницы, и этот жест был таким простым, таким будничным, что от него стало страшнее, чем от любого крика или угрозы.

— Обрезание? — предположила девушка, цепляясь за знакомое слово, как за соломинку, потому что то, что она начинала понимать, было страшнее любого незнакомого слова.

— Почти, — усмехнулся парень, и в этой усмешке не было веселья, только горькая, усталая ирония, как у человека, который давно перестал плакать над собственной судьбой и научился говорить о ней с кривой улыбкой. — отрезают полностью или частично, чтоб нечем было желать девушку.

С каждым произнесённым словом глаза Анжелики округлялись всё больше, и в них отражалась не просто жалость, а что-то большее, глубокое, горячее, что нельзя было выразить ни одним словом из тех, что она знала.

— Что они сделали с тобой? — шок, неверие и ужас сошлись в одно большое чувство, и оно сжало горло, не давая дышать, и заставило сердце биться чаще, будто оно пыталось вырваться из грудной клетки и бежать, бежать, бежать от этого знания.

— Да, — всё, что смог сказать он, и это короткое, тихое «да» прозвучало громче любого крика.

— Это ужасно! Они испортили тебе жизнь. Портят её многим девушкам. Ему что, скучно жить, и он так развлека-

ется? — её одолевало желание пойти и высказать шейху ещё пару ласковых. «Зачем так издеваться над людьми? Можно набрать в прислуги женщин, да и в гарем взять тех, кто за деньги согласен на всё. Зачем мучить тех, кому это не нужно?»

— Нет, это не от скуки. Так положено по статусу.

— Какому статусу? И так понятно, что он не последний человек в городе, — продолжала негодовать Лика, и её голос, ещё недавно тихий и слабый, набирал силу, и в нём зазвучала та же неукротимая прямота, которая привела её к двадцати ударам плетью. — Такой большой домина. Куча денег и машин. Вот тебе и статус. Зачем куча девушек и евнухов? Я не понимаю. Что одной недостаточно?

— Чем больше гарем, тем выше положение в обществе. Если можешь содержать много женщин, значит, ты действительно богат. А такие, как я, просто необходимы. Мужчине легче справиться с женщиной, чем другой женщине. К тому же нет зависти занять её место. Это и статус, и многовековые традиции. Они давно уже изживают себя, но некоторые всё ещё живут, придерживаясь их, — говорил Амир ровно, спокойно, без горечи, без осуждения, просто констатируя факты, как человек, который давно перестал спорить с реальностью и принимает её такой, какая она есть.

— Всё равно это ужасно, плохо и подло. Заставлять так мучиться стольких людей только ради того, чтоб тебя считали богатым. С большим бредом я ещё не сталкивалась. Мо-

жет, всё же убежим вместе? — с надеждой спросила Анжелика, глядя в глаза парня, и в этом взгляде горел тот самый, неугасимый огонёк, который не могла погасить ни плеть, ни боль, ни страх. — Пусть он тут один желчью захлебнётся. Знаешь… я раньше мечтала стать экскурсоводом, — сделала глубокий вдох, потом выдох, и этот вдох-выдох прозвучал как перекличка двух жизней: одной, прежней, в которой она мечтала водить туристов по старинным улочкам, и другой, нынешней, в которой мечтой стала свобода. — А теперь у меня появилась новая мечта.

— Убежать? — предположил Амир, и в его голосе прозвучала осторожная, почти пугливая надежда, как у человека, который боится довериться ей, потому что уже однажды обжигался.

— Это да! Но перед этим я бы Мустафе Али Ибн Шахрай отчекрыжила бы всё, под самый корень. Чтоб он сидел, смотрел на свой гарем и думал, что с ним делать, — на лице появилась злая мечтательная ухмылка, и от этой ухмылки повеяло такой яростной, бесшабашной дерзостью, что Амир не выдержал и рассмеялся, и его смех прозвучал в этой тёмной, затхлой комнате, как первый луч солнца сквозь тучи, — неожиданно, ярко и немного больно.

— Да ты кровожадная, — улыбнулся парень, и эта улыбка была первой настоящей, живой улыбкой, которую Лика увидела в этом дворце, и от неё стало теплее, чем от свечи, чем от таблетки, чем от всех прохладных компрессов вместе

взятых.

— Это только к шейху, — растянула губы в коварной улыбке, и её голубые глаза, в которых ещё минуту назад стояли слёзы ужаса и боли, теперь блестели, как два маленьких, холодных пламени, и в этом блеске было столько обещания, столько решимости, что Амир на секунду поверил: эта девчонка, с её белокурыми волосами и фарфоровой кожей, с её сломанной спиной и непреклонным сердцем, действительно может дойти до конца.

ГЛАВА 8

Всю неделю Лика провела в маленькой комнатке — в той самой, где стены, казалось, были выстроены не из камня, а из тишины. Дни тянулись медленно, как тягучий мёд, стекающий по стеклу, и каждый из них был наполнен не столько покоем, сколько хрупким, насторожённым ожиданием. Амир помогал ей обрабатывать раны: приносил чистые бинты, мази с терпким травяным запахом, осторожно снимал повязки, стараясь не причинить лишней боли. Его движения были бережными, почти невесомыми, будто он боялся, что Лика рассыплется от одного слишком резкого прикосновения. Раны почти затянулись и практически не болели, но шрамы, тонкие и неровные, остались — как немые свидетели того, что забыть не получится, даже если очень захочется.

За это время они сдружились, и эта дружба родилась не

из общих радостей, а из общего понимания, что мир вокруг — враждебный, и держаться нужно за того, кто хотя бы не бьёт. Они много разговаривали, и эти разговоры были как островки нормальной жизни посреди бушующего моря ужаса. После того первого откровенного разговора больше не поднимали тему побега и шейха — будто боялись спугнуть хрупкое равновесие, которое им удалось выстроить. Анжелика рассказывала о детстве и школьных годах: о том, как бегала босиком по мокрой траве, как прятала в портфель котёнка, которого мама не разрешала держать дома, как мечтала стать экскурсоводом и водить людей по старым улочкам, рассказывая им истории, от которых у слушателей загорались глаза. В этих рассказах было столько света, что даже затхлый воздух комнатки будто становился чище, прозрачнее. Амир делился новостями гарема: Катя и Лиза очень переживали и передавали привет, и от этих простых слов у Лики на секунду теплело в груди. Фатима радовалась, но старалась не показывать этого; однажды даже приходила справиться о здоровье и планах на будущее. Лика заверила её, что не отступит и, скорее всего, продолжит получать наказания. Фатима была довольна, но пыталась выказать сочувствие — получилось плохо, натянуто, как платье, сшитое из чужой ткани. Лика сделала вид, что поверила, потому что иногда проще кивнуть и улыбнуться, чем объяснять, что ты видишь насквозь каждую фальшивую ноту. Пару раз приходила какая-то женщина, похожая на доктора: в её движениях была

сухая, деловитая уверенность, а в глазах — ничего, кроме расчёта. Она осматривала раны, качала головой, что-то бормотала себе под нос, и от этого бормотания становилось не столько спокойнее, сколько холоднее, будто тебя оценивают не как человека, а как вещь, которую ещё можно починить.

Анжелика сидела, погрузившись в собственные мысли, и тишина комнаты давила на уши, как толстые одеяла, которыми её когда-то накрывали в детстве, чтобы не простудилась. На фоне всего пережитого даже скорбь по отцу отошла на задний план — не исчезла, нет, а затаилась где-то глубоко, как зверь, который свернулся в клубок и ждёт своего часа. Оставаясь один на один с собой, всё чаще в голове мелькали картинки мести шейху. Сначала это были просто резкие, злые слова, которые она шептала в темноту, потом — образы, всё более чёткие и жестокие. Она мечтала даже расчленить его на кусочки, и эта картинка так отчётливо всплыла перед глазами, что Лика испугалась собственных мыслей. Они были такими яркими, такими настоящими, что на секунду показалось, будто она уже сделала это, и комната наполнилась запахом железа и страха. Может, на неё так влияет одиночество? Или желание отомстить за поломанные судьбы и загубленные жизни — за себя, Амира, Катю, Лизу, Марию и ещё одну погибшую девушку, чьё имя она даже не знала? Эта мысль жгла изнутри, как уголёк, который никак не удаётся стряхнуть.

В комнату вошёл Амир с подносом в руках — на нём сто-

яла тарелка с тёплым хлебом, миска с густым супом и стакан воды. Запах еды на секунду прогнал все мрачные мысли, и Лика вдруг почувствовала, как сильно она голодна. Но радость была короткой.

— Завтра тебя хотят вернуть обратно в гарем, — шёпотом заговорил он, и его голос звучал так, будто он приносил не ужин, а приговор. — Это значит, что завтра вечером тебе придётся идти к шейху.

— Опять?! — так же шёпотом выдохнула она, и в этом «опять» было столько отчаяния, столько бессильной ярости, что оно повисло в воздухе, как грозовая туча, готовая разразиться ливнем.

— А как ты хотела? Так что сегодня ночью надо бежать. Я пойду с тобой, — решительно проговорил он, и в его голосе прозвучала такая твёрдость, какой Лика раньше не слышала. Он не предлагал, не уговаривал — он просто ставил её перед фактом, как человек, который уже всё решил и теперь ждёт только её согласия.

В порыве радости Анжелика бросилась парню на шею, и её объятия были такими крепкими, будто она пыталась втянуть в себя всю его силу, всю его решимость, чтобы хватило на двоих.

— Спасибо тебе, — прошептала в ухо и поцеловала в щёку. На коже Амира остался лёгкий след её губ, и на секунду время будто замерло, вычеркнув из реальности и дворец, и шейха, и страх.

На лице Амира отразилось столько эмоций, что все и не разобрать: там была и радость, и тревога, и что-то похожее на облегчение, и тень старой, невысказанной боли. Он не отстранился, не отвёл взгляда — просто замер, словно боялся спугнуть этот момент, как редкую птицу, которая сама села ему на руку.

Ночью он пришёл за ней. Коридоры дворца были тёмными и тихими, и эта тишина казалась неестественной, будто сам дом затаил дыхание, прислушиваясь к каждому их шагу. Они крались, и каждый шорох, каждый скрип половицы отдавался в груди Лики оглушительным громом. Амир проверял каждый поворот и только потом звал Лику, и в этих коротких, отрывистых словах было столько заботы, что она чувствовала себя не просто беглянкой, а человеком, за которого готовы рискнуть жизнью. Через какое-то время они вышли на задний двор, и ночной воздух, прохладный и влажный, пах розами и сырой землёй. Лавируя между кустами роз и деревьями, они продвигались к забору, и тени от ветвей ложились на их лица чёрными, изломанными узорами, будто сама ночь пыталась оставить на них свои метки.

— Слушай, а у тебя случайно нет ножниц для стрижки кустов? Я бы всё же заглянула в спальню шейха. Отчекрыжить памятный презент, — шёпотом заговорила Лика, и её голос звучал нарочито легко, почти весело, но в нём дрожала тонкая, едва уловимая струна страха, которую она пыталась заглушить шуткой.

— Тише, не время веселиться, — как никогда серьёзно и сосредоточенно ответил Амир, и в этой серьёзности было столько ответственности, столько понимания, что любая ошибка может стоить им свободы или жизни, что Лика тут же замолчала.

Она погрузилась в молчание, пытаясь сосредоточиться на звуках: на шелесте листьев, на далёком крике ночной птицы, на тихом, почти неслышном дыхании Амира рядом. Добравшись до ограждения, они остановились у дерева, и его тёмный силуэт казался единственным надёжным ориентиром в этой чужой, враждебной темноте. Двухметровый забор из бетонных плит выглядел как неприступная китайская стена, холодная и равнодушная, как сама судьба.

— Я тебя подсажу, потом сам заберусь с помощью дерева, — коротко и чётко проговорил Амир, и в его голосе не было ни волнения, ни сомнений — только холодная, собранная решимость.

Лика кивнула, не в силах выдавить ни слова. Амир сцепил руки в замок и подставил девушке.

— Вставай, — короткий приказ, и в нём было столько силы, что Лика подчинилась мгновенно, будто её тело само знало, что сейчас нужно слушаться.

Она встала на руки, он приподнял её выше, и её пальцы судорожно вцепились в край ограды. Подтянувшись на руках, она села на верху, ожидая Амира. Только он подошёл к дереву, поблизости послышались шаги — ровные, уверен-

ные, с тяжёлым, размеренным ритмом, от которого кровь стыла в жилах. С каждой секундой они приближались к ним, и этот звук был страшнее любого крика, потому что он означал, что их нашли.

— Спрыгивай на ту сторону и беги. Не останавливайся и не оглядывайся. Там есть заброшенный заросший кустарник. Затеряйся там, я позже догоню тебя, — как можно тише и быстрей давал он наставления, и каждое слово звучало как приказ, который нельзя ослушаться.

Анжелика последний раз взглянула на парня, и в этом взгляде было всё: и благодарность, и страх, и надежда, и прощание, которое она не хотела произносить вслух. Она кивнула, перекинула ноги на другую сторону и спрыгнула. Приземление было жёстким, и боль от удара прокатилась по телу, но Лика даже не поморщилась — сейчас боль не имела значения. Она постояла, прислушиваясь, и в эту короткую, мучительную секунду ей казалось, что её сердце стучит так громко, что его слышно на другом конце дворца.

— Кто тут? — услышала она басистый голос, и он прозвучал так близко, что Лике показалось, будто охранник стоит прямо за её спиной.

— Это я, Амир. Не спится, решил подышать воздухом, — беззаботно ответил парень, и в его голосе было столько спокойной уверенности, столько актёрского мастерства, что Лика на секунду поверила, что всё в порядке, что это просто ночная прогулка, а не побег.

Больше не медля ни секунды, Лика побежала. Она бежала так быстро, как могла, и её ноги, ещё недавно едва державшие её, теперь несли вперёд, будто сами знали, что останавливаться нельзя. Пробежав метров пятьсот, она услышала, как ночную тишину разрезал звук выстрела — резкий, оглушительный, похожий на удар грома посреди ясного неба. Он резанул по сердцу так, словно выстрелили ей в спину, и на мгновение мир потемнел, сжался до одной точки боли. Лика споткнулась и потеряла одну туфлю, но не остановилась. Хотелось остановиться, сесть и заплакать, дать слезам смыть весь этот ужас, но она знала, что если остановится, то уже не встанет.

Солёные капли градом катились по лицу, и она на ходу стирала их, размазывая по щекам, как грязь, которую невозможно смыть. Пытаясь разглядеть дорогу, она бежала, пока на кочке не потеряла и вторую туфлю. Ноги ступали по холодной, влажной земле, и каждый шаг отдавался в теле острой, колючей болью, но эта боль была живой, настоящей, и значит, она была жива. Бег казался долгим, бесконечным, и силы были на пределе, как и нервы, натянутые до предела, готовые лопнуть от любого лишнего звука. И вот наконец она заметила долгожданный кустарник — тёмный, густой, похожий на живое существо, которое раскинуло свои ветви, приглашая спрятаться в своей тени. Долго не думая, Лика рванула к нему, в надежде на безопасность, как утопающий рвётся к спасительному берегу, зная, что ещё несколько се-

кунд — и он утонет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.